

0370

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Индия Трэй
**В ПОСТЕЛИ
С НЕЗНАКОМЦЕМ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Индия Грэй
В постели с незнакомцем
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 370

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6449755

В постели с незнакомцем: роман / Пер. с англ. В.Л. Штаерман; ЗАО

Издательство Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04713-7

Аннотация

Кит Фицрой, узнав правду о своем отце, выясняет, что вместе с поместьем мог унаследовать неизлечимую болезнь. Кит не хочет приковать к себе узами брака любимую женщину. Но и отказаться от Софи он не в силах...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Индия Грэй

В постели с незнакомцем

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Лондон. Март

Маленькая заметка в одной из воскресных газет привлекла ее внимание. Лежа в постели, ставшей на три недели их миром, она ела густо намазанную джемом бриош. И вдруг вскрикнула:

– Слушай! «Неожиданная смена наследника. После недавней смерти Ральфа Фицроя, восьмого графа Хоксворта, владельца поместья Элнберг, выяснилось, что законный наследник на самом деле не имеет права наследования. Источники, близкие к семье, подтвердили, что поместье, в том числе Элнберг-Касл и пятьсот акров земли в Нортумберленде, как и обширная собственность в Челси, переходят к Джасперу Фицрою, сыну графа от второго брака, а не к его старшему брату, майору Киту Фицрою». – Она отправила в рот последний кусочек бриоши и продолжила: – «Майор Фицрой служит в армии. Недавно он был награжден за отвагу. Однако, похоже, отвага изменила ему, когда речь зашла об Элнберге. Местные жители утверждают, что последние годы поместье находилось в запущенном состоянии и на следующего владельца падет тяжкое финансовое бремя. Говорят, Кит Фицрой имеет собственное немалое состояние, но, возможно, он не желает брать на себя спасательную операцию...» – Она отбросила газету, слизала с пальцев джем и посмотрела на

Кита из-под полуопущенных ресниц. – Собственное немалое состояние? – Она улыбнулась и поцеловала его в плечо. – Мне нравится, как это звучит.

Кит, полностью не выплывший из глубин сна, которым наслаждался с тех пор, как залучил Софи в свою постель, поднял бровь:

– Я так и думал. – Он посмотрел прямо в ее красивые блестящие глаза. – Ты просто циничная золотоискательница.

– Ты прав, – согласилась Софи и сжала губы, чтобы удержать улыбку. – Честно говоря, меня интересуют только твои деньги и изумительный дом в Челси. Вот я и мирюсь с твоим несносным характером и ординарной внешностью. Я уже не говорю, что в постели ты скучен.

Она взвизгнула, когда Кит под одеялом сжал ее бедро.

– Ну-ка, повтори, – сурово попросил он.

– Я говорила, – она охнула, – что меня интересуют только твои... деньги. – Ее глаза потемнели, когда его рука продвинулась выше. – Я всегда хотела быть игрушкой богача.

Он приподнялся на локте, чтобы лучше видеть Софи. Ее волосы разметались на подушке – благородный цвет, скорее каштановый, чем рыжий. На лице никакой косметики. Она никогда еще не была так красива.

– А не женой богача? – уточнил Кит как бы между прочим, наклонил голову и поцеловал ее в ключицу.

– О нет. В браке я хотела бы получить титул, а не только деньги. – Ее голос стал хриплым, когда его губы коснулись

ямочки под ее шеей. – И внушительное поместье в придачу.

Он улыбнулся, неторопливо вдохнул запах ее кожи:

– Спасибо за откровенность. Поскольку у меня больше нет ни титула, ни поместья, вряд ли стоит делать тебе предложение.

Он почувствовал, как Софи напряглась, услышал ее легкий вздох, удивленный и возбужденный.

– Думаю, переговоры возможны, – заявила она, слегка задышавшись.

– Софи Гринхэм, – произнес он сурово, – я люблю тебя, потому что ты красивая, и умная, и честная, и верная...

– Лесть очень далеко тебя заведет. – Она вздохнула, закрыла глаза и вздрогнула, когда его пальцы заскользили по внутренней стороне ее бедра.

Кит продолжил:

– Я люблю тебя, потому что ты считаешь, что белье значит больше, чем верхняя одежда, и потому, что ты отважная, и сексуальная, и веселая. Мне хотелось бы знать, как ты относишься к тому, чтобы выйти за меня замуж.

Софи открыла глаза. На ее лице постепенно появлялась удивленная и счастливая улыбка. Словно всходило солнышко.

– Да, – прошептала она, глядя на Кита сияющими глазами. – Да, пожалуйста.

– Думаю, я должен честно предупредить тебя, что моя семья от меня отказалась...

Она обхватила ладонями его лицо:

– Мы можем создать собственную семью.

Кит нахмурился, убрал с ее щеки прядь волос. Ему стало трудно говорить.

– У меня нет ни титула, ни замка, ни земель, которые я мог бы тебе предложить.

Софи засмеялась, притянула его к себе и обняла:

– Поверь, иначе я не имела бы с тобой дела.

Глава 1

Пять месяцев спустя

Британская военная база. Театр военных действий

Четверг, 6.15 утра

Солнце вставало, окрашивая небо в розовый цвет, песок – в золотой. Кит потер глаза, посмотрел на пустыню и равнодушно подумал: «Доживу ли я до заката?»

Он спал час, может быть, два и видел во сне Софи. Он проснулся в темноте. Тело ныло от желания, мысли беспорядочно метались, запах ее кожи все еще стоял в носу.

Честное слово, бессонница лучше.

Пять месяцев. Двадцать две недели. Сто сорок четыре дня. Тяга к Софи должна была бы ослабеть, но она только усилилась, стала неодолимой. Он не звонил ей, хотя иногда желание услышать ее голос жгло его изнутри, как лазер. Но телефонный разговор только подлил бы масла в огонь. Нельзя сказать ничего, находясь на расстоянии шесть тысяч миль друг от друга.

Еще один день.

Через двадцать четыре часа он улетит отсюда. Последнюю неделю его люди испытывали смесь радостного возбуждения и тревоги.

Кит не разделял эти чувства.

Он служил сапером уже много лет и всегда относился к

этому как к работе. Грязной, опасной, выматывающей, но необходимой работе. В те времена его эмоции были заперты так глубоко, что он даже не знал об их существовании.

Теперь все изменилось. Кит оказался не тем, кем привык всю жизнь считать себя, из-за лжи человека, которого он называл отцом. К тому же любовь к Софи открыла ему то, что он не предполагал найти в себе, и теперь работа казалась ему еще грязнее, а риск больше. Гораздо больше.

Еще один день. Не подведет ли его везение?

– Майор Фицрой! Кофе, сэр. Мы почти готовы выступить.

Кит обернулся. Рядовой Льюис шел к нему, расплескивая на ходу кофе. Добродушный девятнадцатилетний парень, полный щенячьего энтузиазма. Кит почувствовал себя на тысячу лет старше. Он взял кружку, отпил глоток и скривился.

– Вы отличный солдат, но не повар, – бросил он через плечо. – Помните об этом, когда вернетесь домой.

– Да, сэр. – Льюис поспешил за ним. – Могу ли я сказать, сэр, как это здорово – служить вместе с вами? Раньше я не был уверен, что хочу остаться в армии.

Кит остановился, потер подбородок:

– У вас есть девушка?

Льюис переминался с ноги на ногу со смешанным выражением гордости и смущения на лице.

– Да. Келли. Она должна стать матерью через два месяца. Я хочу просить ее выйти за меня, когда приеду в отпуск.

Кит, прищурившись, посмотрел на плоский горизонт и кивнул:

– Вы ее любите?

– Да, сэр. Мы не так долго были вместе... Но я действительно люблю ее.

– Тогда послушайтесь моего совета. Научитесь варить приличный кофе и найдите себе работу дома, потому что любовь и мины несовместимы. – Кит холодно улыбнулся и вернул ему кружку. – А теперь давайте сделаем то, что должны сделать, прежде чем полетим домой.

– Извини, я опоздала.

Улыбаясь отнюдь не смущенно, Софи села за маленький металлический столик напротив Джаспера.

Он удивленно рассматривал ее сумки.

– Как я понимаю, ты задержалась в... – Его брови поднялись, когда на самой большой сумке он увидел логотип эротического бутика. – Киту будет весело, когда он вернется.

Софи запихнула сумки под стол, положила только что купленный букет цветов на стул рядом с собой и постаралась не улыбаться как полная луна.

– Я потратила непозволительно много, – призналась она, беря в руки меню и сдвигая солнцезащитные очки на лоб.

Джаспер выбрал столик под красным навесом, и его лицо выглядело румяным, а не поэтически бледным. Как он не похож на Кита! Странно, что они так долго считали себя

братьями.

– На интимные вещи, если я не ошибаюсь, – заметил Джаспер.

– Просто ночная рубашка, – быстро сказала Софи, надеясь, что он не достанет из сумки серебристо-серый шелк на глазах у посетителей одного из самых популярных ресторанов Ковент-Гардена. – Я проходила мимо, и раз уж мне заплатили за фильм о вампирах, а Кит завтра возвращается, я решила... Но рубашка действительно оказалась очень дорогой.

– Не скаредничай. Те времена, когда ты посещала магазин уцененных товаров, давно прошли. – Джаспер оглянулся и махнул рукой, чтобы привлечь внимание официанта, потом опять повернулся к Софи и потер руки в предвкушении. – Еще несколько часов, и Кит вернется. И ты станешь невестой на полный рабочий день. Планируешь пышные празднества?

– Я ничего не планирую, пока он не будет дома через... – она посмотрела на часы, – двадцать восемь часов. Сейчас у него заканчивается последнее дежурство.

Джаспер уловил в голосе Софи нотку тревоги и похлопал ее по руке.

– Не думай об этом, – сказал он твердо. – Ты держалась замечательно. Я бы сошел с ума, если бы Серджио каждый день угрожала смерть. Ты очень храбрая.

– Не очень, в сравнении с Китом. – У Софи пересохло в горле. Она постаралась представить себе Кита, потного,

грязного, измученного. Пять месяцев он заботился о батальоне солдат, ставя их нужды выше своих. Она хотела, чтобы он вернулся. Тогда она позаботится о нем.

– Софи!

– Что? Извини. – Она увидела, что официант держит в руках блокнот и карандаш, и заказала салат – первое, что бросилось в глаза.

– Киту это не внове, – заметил Джаспер, когда официант отошел. – Он занимается этим много лет. Как он, кстати?

– Говорит, что в порядке, – рассеянно солгала Софи. – Расскажи-ка о себе. Вы с Серджио уже упаковали вещи и готовы двинуться в Голливуд?

Джаспер откинулся на спинку стула и провел рукой по лицу:

– Пакуем потихоньку. Поверь, после всех этих событий – похорон отца и так далее – мне не терпится оставить все позади. Я собираюсь следующие три месяца лежать у бассейна и пить коктейли, пока Серджио будет работать.

– Если бы я тебя не знала, решила бы, что ты стараешься заставить меня завидовать.

– Ага. – Джаспер усмехнулся. – И у меня получается?

– Нет.

Официант поставил перед ней джин и тоник со льдом.

– Бассейн и коктейль – это хорошо, но мне впервые в жизни не хочется никуда ехать. Хочется быть дома. С Китом.

Джаспер прищурился и задумчиво постучал пальцем по

сжатым губам:

– Уж не подменили ли тебя? Чем можно объяснить такую перемену? Из девочки, которая готова прибежать по телефонному звонку, сыграть в массовке и умчаться на другую съемочную площадку, ты превратилась в идеальную домохозяйку.

– Любовью, – ответила Софи и отпила глоток джина. – Может быть, именно потому, что я всю жизнь куда-то бежала, теперь мне хочется осесть. – Она виновато посмотрела на Джаспера. – Я часто захожу в мебельные магазины, выбираю диваны. Мне нужен дом.

– Ну, жилище Кита в Челси – неплохое начало пути, – заметил Джаспер, намазывая паштет на хлеб. – Во всяком случае, лучше, чем Элнберг. Там тебе пришлось бы несладко.

– А вы не собираетесь туда переехать, когда вернетесь из Лос-Анджелеса?

Джаспер скривился:

– Конечно нет. Продуваемое ветрами побережье Нортумберленда вряд ли подходит для кинодрамы. И я не представляю себе, как Серджио будет заходить в деревенский магазин, покупать продукты и просить у миссис Уотс последний номер журнала «Империя».

Софи отпила глоток джина, чтобы скрыть улыбку. Джаспер прав. Серджио на похоронах Ральфа выглядел как попугай на Северном полюсе.

– Так что же будет с Элнбергом?

Теперь, когда замок больше не имел отношения ни к ней, ни к Киту, его судьба волновала Софи гораздо сильнее. Ей было плохо там, когда она приехала к Джасперу прошлой зимой. При мысли о том, что придется жить в его холодных стенах, у нее мурашки бежали по коже. Но сейчас, когда это больше не угрожало, Софи, сидя на солнышке посреди Ковент-Гардена, ощутила нежность к этому месту.

– Не знаю. – Джаспер вздохнул. – Юридические аспекты туманны, финансовые – еще туманнее. Не могу простить отцу, что он подложил нам такую бомбу в завещании. Тот факт, что Кит – не его родной сын, просто техническая деталь. Кит вырос в Элнберге и последние пятнадцать лет заботился о нем почти в одиночку. Уж если я расстроен таким оборотом дела, ему должно быть еще хуже. Он писал что-нибудь об этом?

Софи, избегая его взгляда, покачала головой:

– Нет, не писал.

Дело было в том, что Кит не писал практически ни о чем. Уезжая, он предупредил ее, что не будет звонить, потому что от звонков только хуже. Она отправляла ему несколько раз в неделю длинные письма, сообщала новости, рассказывала забавные истории, писала, что скучает. Кит отвечал изредка, коротко и безлико, отчего ей становилось еще более одиноко.

– Надеюсь, он не очень на меня сердит, – поведал Джаспер с несчастным видом. – Элнберг был для него всем.

– Не глупи. Ты не виноват, что мать Кита ушла от его отца, когда он был совсем маленьким. Во всяком случае, это давняя история, и, как говорит моя мама, ничто не происходит без причины. Если бы Кит был наследником, я ни за что на свете не вышла бы за него замуж. Ему потребовалась бы знатная жена, которая имела бы корону в гербе и гарантировала бы появление на свет наследника не позднее чем через три года. Я не могу дать ни короны, ни гарантий. – Софи говорила весело, но ее улыбка увяла при словах о наследнике, и ей пришлось прижать руку к губам.

Джаспер испугался:

– Софи, что случилось?

Она взяла рюмку и сделала глоток. Джин был добрый, холодный, горький.

– Все в порядке. Просто я наконец побывала у врача.

Глаза Джаспера стали очень большими.

– Это не... ничего серьезного?

Софи махнула рукой:

– Нет-нет. То, что я и предполагала – эндометриоз. Хорошая новость – это совершенно безопасно, а плохая – у меня могут быть проблемы с потомством.

– Ох, девочка, я не знал, что тебе так важно иметь детей.

– И я не знала, пока не встретила Кита. – Ей захотелось спрятаться, и она опустила солнцезащитные очки на глаза. – Я поняла, как это важно, когда узнала, что это может быть непросто. Смешно, правда? – Софи вздохнула. – Однако

доктор не сказал, что невозможно. Просто это займет много времени, и лучше не откладывать надолго.

Джаспер погладил ее руку:

– И когда ты начнешь пробовать?

Софи посмотрела на часы, подняла на него полные решимости глаза и улыбнулась:

– Примерно через двадцать семь с половиной часов.

Секундная стрелка вздрагивала, перемещаясь по циферблату. Кит сидел на пластмассовом стуле в отделении интенсивной терапии, смотрел на нее и задавался вопросом, выдержит ли стрелка следующий круг.

Он провел здесь уже несколько часов, с тех пор как медицинский вертолет наконец приземлился и доставил рядового Кайла Льюиса домой. Без сознания, с пулями в голове и спине. Не совсем то возвращение, о котором Льюис мечтал.

Кит опустил голову на руки. Ставшее уже привычным оцепенение распространилось до кончиков пальцев.

– Кофе, майор Фицрой?

Он вздрогнул и выпрямился. На стоявшей перед ним нянечке был одноразовый пластиковый передник. Она улыбалась, не зная, какие воспоминания пробудил в нем ее вопрос. Кит отвернулся и сжал зубы:

– Нет, спасибо.

– Принести вам обезболивающее?

Знает ли она, что это из-за него Льюис лежит там, под-

ключенный к аппарату, который за него дышит? Мать сидит рядом, держит его за руку и тихонько плачет, а девушка, о которой Льюис говорил с такой гордостью, не может смотреть на него, и в ее глазах застыл ужас.

— Ваше лицо, — мягко сказала нянечка. — Я знаю, что вас осмотрели в полевом госпитале, но действие лекарств, которые вам дали, должно было уже закончиться. — Она склонила голову набок и смотрела на Кита с явным состраданием. — Раны от шрапнели очень болезненны.

— Они выглядят страшнее, чем есть на самом деле. стакан доброго виски, и все будет в порядке.

Нянечка улыбнулась:

— Боюсь, в госпитале его не найти. Но вы можете поехать домой. — Пластиковый передник скрипнул, когда она направилась в палату Льюиса. — Его родные здесь. Вы заботились об этих ребятах пять месяцев, майор, — добавила она мягко. — Пора вам позаботиться о себе.

Прежде чем дверь опять закрылась, Кит успел мельком увидеть расprostертую на кровати неподвижную фигуру. Он тяжело вздохнул. Чувство вины изгоняло воздух из его легких.

Дом.

Софи.

Мысль о ней едва не уничтожила остатки его самообладания. Кит опять взглянул на часы. Почти шесть вечера, а он в трехстах милях от дома. Кит встал, и его сердце вдруг

забилось быстрее от потребности увидеть Софи. Обнять ее, раствориться в ее нежности, забыть...

Дверь за его спиной открылась. Обернувшись, Кит увидел вышедшую из палаты девушку Льюиса. Плечи опущены. Огромный живот. Хрупкая фигура. Стоя у стены, она выглядела трогательно юной.

– Они мне ничего не говорят. Я только хочу знать, поправится ли он. – Келли говорила с упрямой решимостью, но в ее глазах плескался страх. – Он поправится?

– Врач, полковник Ренделл, говорит, что худшее позади, – тихо ответил Кит. – Если солдат выдерживает перелет в полевой госпиталь, его шансы выжить уже равны девятистам семи процентам. А Льюис выдержал долгую дорогу домой.

– Я не хочу знать, выживет ли он, – заявила юная женщина. – Я хочу знать, поправится он или нет. Будет ли здоров. Я не выдержу, если он не поправится. – Ее голос сорвался. Она отвернулась. Кит видел, что она отчаянно старается не расплакаться. – Мы не очень хорошо знаем друг друга, – продолжала она после паузы. – Мы недолго встречались до того, как случилось это. – Она показала на свой живот. – Мы не планировали ребенка, но, как говорит мама, я сама виновата и расхлебывать должна сама. – Она посмотрела на Кита остановившимся взглядом, и по ее щекам потекли слезы. – И что будет? Если он... искалечен, я не смогу его бросить. Но кто в этом виноват?

Киту хотелось сказать: «Я. Целиком и полностью».

Он не имеет права забывать об этом.

Глаза Софи мгновенно открылись.

Она лежала очень тихо, глядя в теплую летнюю темноту, и напряженно ждала, не повторится ли звук, который ее разбудил.

Может быть, ей только показалось? Или приснилось?

Она села, стараясь прогнать сон. Кровь звенела в ушах, однако снаружи доносились обычные звуки ночного города: шум проезжающих машин, далекая сирена...

А потом что-то еще, уже в доме. Приглушенный стук, как будто что-то уронили, потом тихие тяжелые шаги. Кто-то медленно поднимался по лестнице.

Софи похолодела.

Потом с проклятием сбросила одеяло, встала на кровати и начала судорожно оглядываться в поисках какого-нибудь оружия. Как жаль, что она не играет в гольф или бейсбол. Нечем отпугнуть пришельца. Остается спрятаться под кроватью...

Фигура заполнила собой дверной проем, и сердце Софи забилось в горле. Поздно! Надо пойти на хитрость.

– Не двигайтесь! У меня есть оружие!

Пришелец со вздохом сделал шаг вперед:

– Там, откуда я пришел, это называется не оружием, а пультом от телевизора.

Голос был хриплый от усталости, чертовски сексуальный

и определенно знакомый.

– Кит! – Это было нечто среднее между всхлипом и криком восторга. Софи мгновенно соскочила с кровати, и он поймал ее, когда она бросилась в его объятия и обвила ногами поясницу. Их губы соединились. Вопросы всплывали у нее в голове и тут же исчезали, потому что важнее всего было касаться Кита, целовать его...

Он опустил Софи на кровать, не прерывая поцелуя, его губы были жесткими и жадными. Кит пах землей и антисептиком, но за этими запахами она уловила аромат, который пьянил ее как вино. Аромат его кожи.

– Я думала, – выдохнула она, – ты приедешь только завтра. Его губы вновь нашли ее губы.

– Я здесь, – прошептал он.

Теперь они вместе. В постели. Все остальное не имеет значения.

Желание наполнило Софи. Кит секунду стоял и смотрел на нее. Было темно, но все-таки она увидела серебристый блеск его глаз, и на нее нахлынула новая волна желания. Она встала на колени, сняла рубашку и поцелуем остановила тихий стон, вырвавшийся у Кита, когда он увидел ее обнаженное тело.

– Ты в порядке? – спросила Софи, дрожащими пальцами расстегивая пуговицы его рубашки.

– Да.

В этот момент луч света проник сквозь неплотно задер-

нутые шторы и упал ему на лицо. Софи охнула:

– Нет, ты ранен. Кит, твое лицо...

Она очень осторожно погладила его скулы. Он высвободился:

– Это ерунда.

Его руки обхватили ее талию, губы вновь прижались к ее губам, она ощутила его обнаженную грудь у своей груди и забыла обо всем на свете.

Софи наслаждалась теплом рук Кита, скользящих по ее спине. Они двигались уверенно и спокойно, пока она сражалась с поясом его брюк, нетерпеливо стремясь удалить последнюю преграду между ними. У женщины вырвался победный крик, когда ее старания увенчались успехом. Кит отбросил брюки, и они упали обратно на кровать.

Все произошло не так, как планировала Софи. Не было ни шампанского, ни сексуальной шелковой ночной рубашки, обольщения, разговоров. Только кожа, руки и желание, такое огромное, что она испугалась.

У них будет время поговорить. Потом. Завтра.

Это был единственный известный ей способ ликвидировать расстояние между ними, дотянуться до Кита. Так было, когда они впервые занялись любовью, в ту ночь, когда он узнал, что Ральф Фицрой – не его родной отец. Тогда Софи ничего не могла сказать, потому что все это было слишком жестоко, сложно, но на некоторое время потеряло значение, растаяло в пламени их страсти.

Тело Кита было твердым от напряжения, его плечи – каменными. Они оба дрожали, но, как только их тела слились, Софи почувствовала, что его напряжение уходит, словно он ощутил ту же дикую, живительную страсть, которую испытывала она. Ее руки обвили его шею. Их лбы касались друг друга, дыхание Кита согревало ее щеку, и это довело женщину до экстаза.

Кит со стоном приподнял ее и сел. Софи обвила ногами его поясницу. Давление усилилось, и она перешла черту. Она стонала и задыхалась в волнах оргазма.

Кит прижимал Софи к себе до тех пор, пока она не успокоилась, а потом обнял и спрятал лицо в углублении ее шеи. Она еще чувствовала его внутри себя и не отпускала, пока он не успокоился и не выкрикнул ее имя.

Они лежали рядом. Софи ласково прижимала Кита к своей груди и улыбалась, глядя в темноту.

Глава 2

Сон прервался внезапно.

Киту потребовалось несколько секунд, чтобы вернуться в реальность. Этот свет – синеватый холодный свет английского утра. Простыни мягкие и свежие. Софи лежит на боку, ее рука на его груди, у бешено бьющегося сердца.

Он не идет по пыльной дороге к мосту, под которым заложена бомба. Значит, он спал. После ста пятидесяти четырех практически бессонных ночей это походило на чудо.

Кит чуть-чуть повернулся, чтобы видеть лицо спящей Софи. Боже, как она хороша! У него защемило сердце. Лето разрисовало ее переносицу веснушками, разрумянило щеки. Или, может быть, в этом виновата прошедшая ночь? Верхняя губа, изогнутая как лук Купидона, немного припухла от поцелуев.

И растянулась в слабой, таинственной улыбке.

Спящая Софи казалась спокойной и удовлетворенной, словно путешествовала по прекрасным местам, куда Кит не мог за ней последовать. «Она не знает, что такое нашпигованные минами дороги пустыни», – подумал он.

Свет, проникавший в щель между занавесками, падал на ее плечо, зажигал золотистое гало вокруг волос. Кит взял шелковистую прядь, медленно намотал на палец и вспомнил, как в одну из последних ночей перед отъездом просил Софи

выйти за него замуж.

Глупец. Эгоистичный безмозглый глупец.

Могло случиться все что угодно. Он вспомнил девушку Льюиса, ее полные ужаса глаза. «Мы не очень хорошо знаем друг друга... Если он... искалечен, я не смогу его бросить». А если бы это был он, а не Льюис?

Они с Софи провели вместе всего три недели. Три недели! Как он мог думать, что Софи останется с ним на всю жизнь, если они тоже почти не знают друг друга?

Блестящая прядь вновь упала на плечо Софи. Кит встряхнулся и крепко сжал кулаки.

Белые суставы обозначились под загорелой кожей, но это не помогло прогнать оцепенение или остановить поток видений, вновь пронесившихся перед его глазами. Дрожащий от жары воздух. Жестокое солнце отражается в окнах зданий. Кажется, все медленно плывет. Его руки дрожат, и он не может унять дрожь. Кусачки для перерезания проволоки скользят в пальцах. В наушниках раздается голос, предупреждающий, что замечен снайпер...

И выстрелы.

Кит сел и выругался про себя. Провел рукой по лицу и поморщился, задев корочку на одной из ран на скуле.

Он дома, с Софи. Почему же ему кажется, что он все еще на войне, так далеко от любимой, как никогда раньше?

Софи остановилась в дверях кухни. Кит сидел за столом.

Перед ним лежала куча писем, пришедших за время его отсутствия. Он был только в джинсах, без рубашки. Его кожа загорела до темно-коричневого цвета.

– Привет!

Она вскочила с постели, едва проснувшись, мгновенно почистила зубы и помчалась вниз. И смогла произнести только одно это слово. И то почти шепотом.

Он посмотрел вверх. При свете раны и синяки на его лице стали хорошо видны. Он выглядел побитым, усталым и красивым.

– Привет.

– Значит, ты на самом деле приехал, – сказала она и принялась наливать воду в чайник. – А я решила, что ты мне приснился. Такое не раз случалось, пока тебя не было. Я так ясно видела тебя во сне, что пробуждение походило на новое прощание. – Стараясь говорить шутливым тоном, Софи поинтересовалась: – Тебя отпустили на день раньше за хорошее поведение?

– К сожалению, нет. – Кит отложил письмо, которое читал, и провел рукой по влажным после душа волосам. – Вчера один мой солдат был тяжело ранен. Я прилетел домой с ним.

– О, Кит, мне очень жаль. – Софи подошла к нему. – Как он сейчас?

– Не очень, – проговорил он лишенным выражения голосом и опять взял письмо, показывая, что тема закрыта. В дру-

гом конце кухни крышка начала стучать по кастрюле. Софи погладила его по щеке.

– Что произошло? – спросила она мягко. – Взрыв?

Кит ответил не сразу, но она заметила, что его глаза моргнули, словно он вспомнил что-то, о чем не хотел вспоминать.

– Да...

Его лоб наморщился, как от боли, и Софи решила, что больше он ничего не скажет. Но потом Кит посмотрел на нее с холодной улыбкой, которая скорее скрывала, чем выражала эмоции.

Софи пододвинула стул и села рядом:

– Как тяжело он ранен?

– Сейчас трудно сказать. Похоже, жить он будет, но насколько тяжелы будут последствия... – Губы Кита скривились. – Ему всего девятнадцать лет.

– Совсем мальчик, – прошептала Софи. Чайник выпустил клубы пара, зашипел и затих. Ей хотелось, чтобы Кит был с ней откровенен. – Хорошо, что ты был с ним. Для него, наверное, очень важно знать, что кто-то заботится о нем. – Она отшатнулась, когда Кит резко поднялся. – Кофе?

– Да, пожалуйста.

В душе Софи была обижена, но не позволила обиде вырваться наружу.

– Извини, есть только растворимый. Я хотела сегодня пройтись по магазинам и закупить все к твоему возвращению.

Она вспомнила о своих планах. Софи собиралась купить то, что можно есть в постели, – оливки, маленькие пирожные, круассаны, бриоши. И шампанское. И настоящий кофе. И, конечно, шелковую ночную рубашку. Теперь все это казалось глупой выдумкой, в которой Кит становился диснеевским принцем с полными обожания глазами.

Реальность оказалась иной.

– Чем ты питалась, во имя неба? – спросил он раздраженно. – Я хотел приготовить завтрак, но в шкафах пусто.

– Я обычно ела на ходу, – ответила она беззаботно. – Но вот смотри, есть хлеб... – Софи открыла шкаф и достала банку. – И шоколадная паста.

Кит почувствовал себя виноватым. Софи старалась говорить весело, но было видно, что она обижена. Она хотела пообщаться с ним как с нормальным человеком, а он повел себя так, словно она сделала что-то неприличное.

«Хорошо, что ты был с ним. Для него, наверное, очень важно знать, что кто-то заботится о нем».

Софи переоценивает его. Во многом.

Кит посмотрел на нее. Она укладывала хлеб в тостер. Ее волосы блестели, длинные ноги едва прикрывала старая рубашка, которую Софи наверняка вытащила из его гардероба. Грудь мужчины сжалась от стыда и желания. Он еще не отважился разрушить ее иллюзии относительно него, но, по крайней мере, мог попытаться искупить свое недостойное поведение.

Кит взял у Софи банку, открыл крышку, заглянул внутрь и поинтересовался:

– Ты хочешь это съесть?

Она пожала плечами и достала из ящика нож:

– А что с этим делать?

– Ты еще спрашиваешь! – сердито сказал он, отбирая у нее нож.

Выразительно глядя на Софи, Кит протянул руку и растегнул пуговицы ее рубашки. Она вздрогнула от его прикосновения и издала легкий возглас удивления. Но когда он обхватил ее за талию и усадил на стол, зеленые глаза женщины заблестели от возбуждения.

Медленно, осторожно Кит опустил в банку кончик ножа и подцепил немного мягкого шоколада. Потом он повернулся к Софи и, распахнув ее рубашку, обнажил грудь.

Ему стоило больших усилий не позволить желанию отразиться на его лице или в движениях. Рука мужчины дрожала, когда он взял в ладонь теплую грудь. Кит легким движением размазал шоколад по коже Софи.

Он решил, что это очень красиво – темный шоколад на ванильно-белой коже. Но мысли исчезли из его головы, как только он принялся слизывать шоколад.

Шоколад был невозможно сладкий и заглушал вкус кожи, поэтому Кит, не поднимая головы, открыл кран и набрал в ладонь воду. Выпрямившись, он вылил воду на грудь Софи и наблюдал, как ее глаза расширяются от шока.

– Кит, ты...

Его губы дотянулись до нее прежде, чем она успела договорить.

Боже, как он любит ее! Любит ее прямодушие, ее доброту. Любит, потому что она его понимает и стремится дать ему то, что нужно.

Руки Софи обвились вокруг его шеи, пальцы погрузились во влажные волосы. Он уже готов был заняться с ней любовью на столе, когда во входную дверь громко постучали.

Кит отступил на шаг и выругался.

– Не открывай, – взмолилась Софи.

Это было заманчиво, очень заманчиво, учитывая, как она выглядела на столе. Рубашка распахнута, губы покраснели от поцелуев. Он провел рукой по лицу, призывая на помощь все свое самообладание.

– Придется, – хрипло сказал Кит, направляясь к двери. – Это наш завтрак. Я заказал его, когда ты спала, и поскольку завтрак доставили на дом в качестве особой любезности...

Оставшись одна, Софи запахнула рубашку и соскользнула со стола. Дрожащие ноги едва держали ее. В прихожей раздались голоса – один Кита, другой – немного знакомый. Она взяла банку с шоколадной пастой и запустила в нее пальцы. Потом, закрыв глаза и откинув голову назад, слизала пасту.

– Вы тут?

Софи подскочила, открыла глаза и увидела, что в кухню входит человек, лицо которого ей знакомо.

– Привет! Вы, значит, Софи, – обратился он к ней.

Улыбаясь, человек поставил завернутый в алюминиевую фольгу контейнер на стол и протянул руку. Софи обменялась с ним рукопожатиями и пробормотала приветствие. Ей было неловко оттого, что она не может вспомнить, кто это.

Кит вошел в кухню с бутылкой шампанского в руке:

– Спасибо. Я очень признателен.

– Не стоит благодарности. Это самое малое, что я могу сделать, зная, что вы пять месяцев были героем. Приятно видеть вас целым... Или почти целым.

Кит слегка нахмурился.

– Как дела в ресторане? – спросил он спокойно.

– Хорошо, спасибо. Хотя я не провожу там столько времени, сколько надо бы. Все из-за телевидения. Только что вернулся из Штатов со съемок новой серии.

Ужас сжал желудок Софи, когда она вновь взглянула на этого человека. Теперь понятно, почему он показался ей знакомым. Рядом стоит один из самых знаменитых кулинаров страны, а на ней мокрая рубашка, которая едва прикрывает ягодицы, и она слизывает с пальцев шоколадную пасту.

Софи быстро поставила банку на стол и постаралась спрятаться за большой вазой для цветов. К счастью, известный кулинар увлечен разговором с Китом, и они уже направляются к двери. Однако он остановился и оглянулся:

– Рад был познакомиться с вами, Софи. Вы должны заставить Кита как-нибудь привести вас в ресторан.

«Ни за что на свете», – поклялась Софи, улыбаясь и кивая. После того, как он застал ее в таком виде! Как только они вышли, Софи схватила банку с шоколадной пастой, и когда Кит вернулся, она ела ее ложкой.

– Ты мог предупредить меня, – простонала Софи.

– Извини, – жалобно проговорил Кит, – но я отвлекся.

– Он твой друг?

– Смотря что такое друг. Его ресторан расположен рядом, за углом, и я часто туда захожу.

Софи отправила в рот еще ложку пасты. Люди не ходят в рестораны одни. Она представила себе, в обществе каких женщин знаменитый кулинар видел Кита.

– Брось эту сладкую мерзость, – распорядился он. – У нас есть копченый лосось, пирог с черникой, миндальные круасаны и настоящий кофе. И это, конечно. – Кит поднял бутылку шампанского. – Ты хочешь съесть все здесь или в постели?

Соппротивление Софи растаяло как масло на солнце. Она невольно улыбнулась:

– А ты как думаешь?

Софи медленно возвращалась в дом Кита. Сумка с покупками била ее по ноге. Она решила, что должна загладить позорный утренний инцидент с шоколадной пастой.

Софи всем своим существом устремилась вперед, к дому с черной дверью, очень похожему на прочие красивые дома

на этой площади. Но у этого дома было одно преимущество: там был Кит.

Они съели завтрак и занялись любовью, медленно, роскошно. Потом лежали рядом, пока туча проползала мимо окна, а утро перерастало в день. Потом опять занялись любовью.

Это было прекрасно. Более чем прекрасно. Волшебно. Так откуда появилось неприятное ощущение, что любовь заменила разговор?

Она очень много хотела сказать Киту и еще больше хотела, чтобы говорил он. Софи вспомнила, что выбросила противозачаточные таблетки, и не призналась в этом ему. Ей стало неловко. Но Кит отгородился от нее непроницаемой стеной, на которой красовалась надпись: «Прикасайся молча».

Это просто смешно, решила Софи. Перед его отъездом они проводили в постели целые дни, и им было не до разговоров. Значит, и сейчас у них все в порядке.

Она вставила ключ в замочную скважину и открыла дверь. В доме стояла тишина, но Кит был дома. И атмосфера стала другой. Она словно зарядилась электричеством, которое возбуждало и нервировало. По дороге в кухню Софи вспомнила, что рассказала Джасперу о желании иметь собственный дом.

Она поставила кастрюлю на плиту.

Дом Кита был ее домом последние пять месяцев, если не

считать времени, проведенного в Румынии на съемках глупейшего фильма о вампирах. Но Кит вернулся, и это вновь стал только его дом, а она превратилась в гостью. Даже цветы казались чужеродным элементом, как и нарезанный хлеб в его красивой хлебнице, и растворимый кофе в его дорогих чашках.

Софи насыпала ароматный, только что смолотый кофе в кофейник, поставила на поднос чашки и молочник и вдруг забеспокоилась, не перестаралась ли она. После минутного колебания она налила кофе в чашки и пошла искать Кита.

Он был наверху, в комнате, которую использовал в качестве кабинета. Перед приоткрытой дверью Софи нерешительно остановилась и постучала.

– Да?

– Я приготовила тебе кофе.

– Спасибо. – В его голосе звучала улыбка. – Я должен выйти и взять поднос или ты сама внесешь его?

– Я не хотела тебя отвлекать, – пробормотала Софи и вошла.

Стол был завален письмами, мусорная корзина полна конвертов. Глядя на Кита, Софи ощутила желание, и любовь, и робость. Ранки на его лице еще были свежи, синяки под глазами не исчезли. Он выглядел невероятно измученным и усталым.

– Что ж, это аргумент, – сказал Кит, погладив ее по ноге под коротенькой юбочкой. – Ты действительно отвлекаешь

меня.

Желание вспыхнуло в Софи, зажгло ее и без того уже разогретое тело. Она села на край стола и посмотрела на Кита поверх чашки. Надо найти способ общения с ним, не приводящий к оргазму.

– Есть что-нибудь интересное? – поинтересовалась Софи.

Кит взял чашку, пожал плечами. Выражение его лица оставалось непроницаемым.

– Не очень много. Банковские декларации и отчеты. Еще кое-какие сведения о поместье Элнберг. – Он отпил из чашки. Потом, после некоторого колебания, вынул из стопки одно письмо и протянул ей. – И вот это.

Прочтя первые несколько строк, Софи удивленно нахмурилась:

– Что это?

– Пишут адвокаты Ральфа из Хоксворта. Они получили это письмо и переслали мне.

Он подтолкнул к Софи еще один листок. Что-то подсказало ей, что дело серьезное.

Софи осторожно взяла лист плотной голубой бумаги и развернула. Почерк был ровный, понятный, почерк человека, привыкшего писать на бумаге, а не посылать электронные сообщения.

«Дорогой Кит!

Я знаю, что это письмо удивит тебя, причем скорее неприятно, чем приятно. Однако я должна отбросить

эгоистические сомнения и сделать то, что должна была сделать уже давно».

Сердце Софи забилося быстрее. Она посмотрела на Кита, но он сидел, отвернувшись от нее, и просматривал другие письма. Она продолжила чтение.

«Прежде всего я хочу извиниться, хотя мои извинения ничтожны и сильно опоздали. Я должна добавить к ним очень и очень многое. Надеюсь, ты поймешь и, может быть, даже простишь меня, поскольку это серьезно затрагивает твои интересы. Это касается тебя и коснется в будущем твоей семьи».

Прочитав эти строки, Софи заволновалась. И стала читать быстрее, сгорая желанием выяснить, что все это значит.

«Меньше всего я жду от тебя ответа. Но мой адрес указан в шапке письма, и я искренне приглашаю тебя приехать сюда в любое время. Оставляю решение за тобой.

Для меня эта встреча очень много значит.

С надеждой,

твоя мать, *Джульет Фицрой*».

Софи медленно опустила письмо на стол. У нее закружилась голова.

– Значит, твоя мать хочет, чтобы ты приехал к ней.

Кит бросил еще один конверт в мусорную корзину:

– Похоже, вы правы, мистер Холмс.

– Ты поедешь? – Дрожащими пальцами Софи вновь раз-

вернула письмо, чтобы посмотреть, где живет Джульет Фицрой. – Имlilik, – с удивлением прочитала она адрес. – Марокко.

– Вот именно, – сказал Кит скучающим тоном, отправляя письмо вслед за конвертом. – Слово это чуть дальше, чем в двух остановках отсюда. Не представляю, как она сможет доказать, что такая поездка оправдана.

Софи постучала пальцем по губам. Марокко... Песок, жар... И гаремы... наверное. Честно говоря, она ничего не знала об этой стране. Просто ей нравилось, как звучит название. Марокко казалось ей приятной альтернативой Челси и гнетущей атмосфере старого дома, где они оба будут задышаться.

– Мне всегда хотелось побывать в Марокко, – заметила Софи. – Интересно, как она там оказалась?

– Думаю, она знала, что ее секрет раскроется после смерти Ральфа. – Кит что-то писал. – Возможно, она хочет представить меня моему настоящему отцу – если знает, кто это. Существует тысяча кандидатов на это звание.

О боже! Софи вспомнила о письме, найденном в книге в библиотеке Элнберга, и у нее закружилась голова. Зная, что заглядывать в чужие письма нехорошо, она все же не могла удержаться, потому что прочитала первую строчку. Теперь Софи жалела об этом. Теперь она знала об отце Кита больше, чем знал он сам.

Она слезла со стола и прошла к книжному шкафу в углу

комнаты, нарочно повернувшись к Киту спиной.

– Нет. – Софи глубоко вздохнула и закрыла глаза. – Она знает.

Наступило молчание. В шкафу между книгами по военной истории и истории Среднего Востока стояла незнакомая ей фотография Кита. Он снялся у армейского грузовика с группой людей в камуфляжной форме.

– Откуда тебе это известно?

Кит говорил угрожающе тихо. Испуганная Софи повернулась к нему:

– Ты помнишь тот день в Элнберге, когда я... заболела? – У нее неожиданно начался цикл, а Кит помог ей. Она слабо улыбнулась. – Ты отвел меня в библиотеку, а сам пошел в деревню, в магазин.

– Да, помню. – В его голосе звучали стальные нотки. – И что?

– Я рассматривала книги, пока ждала тебя. – Ей хотелось дотронуться до Кита, но она не решалась. – Я взяла какой-то томик, открыла его, и оттуда выпало письмо. – Она уставилась на свои руки. – Любовное письмо. Оно было адресовано «Моей дорогой Джульет».

Кит смотрел не на Софи, а в окно, и жалюзи бросали тени на его израненное лицо. Он словно был в клетке. Софи продолжала хриплым взволнованным голосом:

– Сначала я решила, что это письмо Ральфа. Оно было таким красивым, романтичным, таким нежным и страстным!

Трудно представить, что Ральф способен написать такое.

– Кто же автор?

– Не знаю. Я не успела дочитать до конца, и... – Она не удержалась и коснулась пальцами его щеки, сознавая, какое напряжение возникло между ними. – Потом я на некоторое время забыла о письме. А потом еще раз взглянула, но на нем не было подписи.

Кит встал и отошел от нее:

– Почему ты решила, что это писал не Ральф?

– Потому что речь шла о тебе, – прошептала Софи и тоже встала. – Тот человек писал, как тяжело ему оставлять тебя, зная, что ты считаешь Ральфа своим отцом.

– Почему ты не рассказала мне раньше? – ледяным тоном спросил Кит.

Софи кашлянула:

– Тогда это было не мое дело. Я не настолько хорошо знала тебя, чтобы просто так, в разговоре, выложить эту информацию. А потом... У меня просто не было случая. – Она замолчала, нервно облизала губы и набралась мужества, чтобы признаться в том, что тревожило ее с самого утра. – Прости, Кит. Иногда мне кажется, что сейчас мы знаем друг друга ничуть не лучше.

– Не понимаю, – пробормотал Кит. – Почему она не бросила Ральфа, не ушла к тому человеку, кто бы он ни был, и не взяла меня с собой?

В его голосе было столько горечи, что у Софи заныло серд-

це. И в то же время она обрадовалась, потому что он заговорил с ней об этом.

Софи пожала плечами:

– Возможно, именно это твоя мать и хочет тебе объяснить. – Она подошла к нему и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в губы. – Давай съездим в Марокко и все выясним.

Глава 3

Итак, Софи решила, что они должны поехать в Марокко и встретиться с Джульет. Киту оставалось только все подготовить.

Если бы не она, он выбросил бы письмо в мусорную корзину вместе с остальными ненужными бумагами. Он давным-давно закрыл свое сердце для женщины, которая ушла от него, когда ему было шесть лет, и обещала вернуться. Именно это невыполненное обещание больше, может быть, чем отъезд матери, заронило в его душу семена недоверия, которые превратились в терновую ограду вокруг его сердца. Только Софи смогла пробиться сквозь шипы.

И точно так же, когда он показал ей письмо, она сумела пробиться сквозь его горечь и злость и сделать так, что все стало простым и очевидным. Только факты. Никаких эмоций.

– Первый класс? – спросила Софи, глядя на Кита из-под ресниц, когда они шли к входу в лондонский аэропорт. – Как мило! Ты не забыл, что другим классом я не пользуюсь.

Ее глаза заблестели, и Кит понял, что она вспоминает об их первой встрече, когда Софи – без билета – сидела напротив него в вагоне первого класса поезда, шедшего из Лондона в Нортумберленд. Все четыре часа пути он старался не смотреть на нее, потому что ему безумно хотелось прикос-

нуться к ней...

Сегодняшнее утро они провели в постели, однако Софи каким-то образом умудрилась собраться меньше чем за час.

– Боюсь, на сей раз не первый класс, – возразил он сурово.

Диспетчер подошла к ним, и ее лучезарная улыбка несколько потускнела, когда она увидела лицо Кита.

– Майор Фицрой? Ваш самолет ждет. Пожалуйста, следуйте за мной.

Глаза Софи расширились, когда она увидела маленький частный самолет.

– Боже праведный! – воскликнула молодая женщина.

Кит не смог удержаться, наклонился и поцеловал ее в улыбающиеся губы.

– Майор Фицрой. – Они и не заметили, как к ним подошел пилот. Кит пожал ему руку. – Рад видеть вас, Кит. – Его лицо под солнцезащитными очками расплылось в улыбке. – Хотел бы сказать, что вы прекрасно выглядите, но...

Кит кивнул и автоматически дотронулся до ран на лице.

– Ваша искренность перевешивает ваше природное обаяние, Макалистер, – сухо заметил он.

Лицо пилота стало серьезным.

– Вы только что вернулись из командировки?

– Два дня назад.

Кит сказал это намеренно невыразительно. Пилот же, наоборот, говорил очень эмоционально:

– Я вам не завидую. Там крошечный ад, тем не менее воз-

вращаться домой тяжело.

Кит мягко переменял тему:

– Ник, позвольте представить вам Софи Гринхэм. Софи, это Ник Макалистер, мой старинный друг.

– Он мне льстит. – Ник Макалистер опять улыбнулся и крепко пожал руку Софи. – Я слишком низко стою на служебной лестнице, чтобы быть другом майора Фицроя. Мы вместе служили в разных незавидных местах, но я в конце концов не выдержал, уволился, женился и нашел приятную спокойную работу.

– А по старой работе вы не скучаете? – спросила Софи.

– Ни капли. Но, знаете, я слеплен не из такого героического теста, как Кит. Решение уволиться было самым разумным, что я сделал в жизни. Особенно если учесть, что жена согласилась за меня выйти, только если я сменю работу. Она вот-вот должна произвести на свет нашего второго ребенка.

Софи почувствовала себя так, как будто ее ударили в бок чем-то острым.

– Поздравляю, – произнесла она странно высоким голосом.

К счастью, Кит ушел вперед.

– Нам лучше не задерживаться, иначе мы будем лететь над Марракешем, когда она окажется в родильном доме, – заметил пилот.

Салон маленького самолета был непозволительно роско-

шен. Все было выдержано в светлых тонах, даже форма стюардессы, которая вскоре после взлета принесла им шампанское, пирожки и клубнику.

– Кит Фицрой, ты ужасный сноб, – отчаянно стараясь скрыть улыбку, заявила Софи, когда стюардесса исчезла за занавеской. – Ты не покоришь меня пижонским частным самолетом. – Она откинулась на спинку огромного кресла и огляделась. – Кстати, Макалистер доволен жизнью и считает, что принял верное решение. А ты когда-нибудь думал...

– Оставить службу и жениться? – Кит изобразил на лице шутливый ужас. – В такое-то время?

Софи чуть не подавилась шампанским.

– Перестань, – рассмеялась она. – Ты знаешь, о чем я.

Его лицо стало серьезным.

– Да. И еще раз да. – Кит криво улыбнулся, и у нее что-то перевернулось в желудке. – Я не собираюсь отступать. Вопрос в том, хочешь ли ты все еще выйти за меня замуж.

– Конечно хочу, – простонала Софи и быстро добавила: – То есть если ты этого хочешь.

Не сводя с нее глаз, Кит поставил свой бокал на столик:

– Иди сюда.

Софи решила напомнить о ремнях безопасности, но удержалась. Эти правила не относились к частным самолетам. И вообще, она не могла представить себе ничего безопаснее объятий Кита. И села к нему на колени, перебросив ноги через ручку его кресла.

– Мне не нужен кусок бумаги или что-нибудь в этом роде, – заметила Софи. – Пять месяцев – долгий срок. Многое произошло за это время. Ты уехал и... не знаю. Может, успел передумать и решить, что это не такая блестящая идея.

Кит глубоко вздохнул, закрыл глаза и закинул руки на спинку кресла. Именно это он решил вчера утром, когда проснулся рядом с Софи и подумал, что они практически чужие друг другу. А то, что случилось с Льюисом, вполне может случиться и с ним. И на кон будет поставлена не только его жизнь.

Но сейчас, когда Софи прижалась к нему, эта идея показалась Киту абстрактной. Бессмысленной. Его инстинкт не ошибается. Софи должна принадлежать ему. Больше это не обсуждается.

– Нет. – Он взял ее за руку, погладил безымянный палец, на котором не было кольца. – Надо как можно скорее подарить тебе кольцо, чтобы ты больше не сомневалась.

– Кольцо? Замечательно! Когда мы сможем это сделать?

Он не смог удержать улыбку. Неопределенность и мрак исчезли.

– Завтра, если ты не против кольца из сувенирной лавки, которое не дороже рюмки вина в Челси. Или как только вернемся домой...

Софи прервала его, поцеловав в уголки губ:

– Я, конечно, не против, но я не имела в виду кольцо. Как скоро мы сможем пожениться? Сразу по возвращении до-

мой?

Кит взял свой бокал:

– По-моему, сначала надо будет подготовиться. Например, купить лицензию, решить, кто и где нас поженит.

– Это не займет много времени? – Софи облизала губы, избегая смотреть ему в глаза. – Пойми, нам не нужно пышное торжество с целой командой подружек невесты, тортом с Эверест и сотней гостей.

– Правда? Я думал, все невесты хотят именно этого.

Кит почувствовал, что она вздрогнула.

– А я – нет. Если, конечно, ты не собираешься пригласить двести девяносто девять гостей. Тогда мне придется посадить Джаспера на моей стороне церкви.

– Ты, наверное, тоже захочешь кого-нибудь пригласить? Твою семью?

Ее глаза потемнели, она опустила ресницы:

– У меня нет семьи. И уж точно нет отца, который повел бы меня к алтарю и произнес прочувствованную речь по поводу важности момента.

Софи говорила спокойно, однако Кит почувствовал, как ее тело напряглось. Она избегала смотреть на него, но он понял, что они вступили на опасную почву. Кит очень осторожно погладил ее по щеке и заглянул в глаза.

– У тебя есть мама, – сказал он ласково. – Она наверняка, как и большинство мам, считает, что быть матерью невесты – это замечательно.

– Моя мама не относится к большинству, – возразила Софи с горькой усмешкой, наливая в свой бокал шампанское. Пена выплеснулась на столик. – О, черт! Извини.

– Все в порядке. Брось. – Кит отобрал у нее бокал и бутылку. – Почему она не такая, как все мамы?

– Ну, во-первых, она даже не позволяла мне называть ее ни мамой, ни мамочкой, ни каким-либо другим словом, которое ассоциировалось бы у нее с социальной приниженностью и угнетением.

– Как же ты ее называла?

Софи пожала плечами:

– Рейнбоу, как и все остальные.

– Это ее имя?

Она рассеянно провела пальцем по лужице шампанского. Между бровями образовались две глубокие борозды, и Киту захотелось разгладить их.

– Только в пятнадцать лет, приехав к тете Дженет, я узнала, что ее настоящее имя Сьюзен.

– Тогда почему она называет себя Рейнбоу?

– Потому же, почему меня она называла Саммер, я думаю. Это было в стиле ее друзей хиппи, показывало, что мы «не как все», «другие», «свободные». Ее это радовало.

– А тебя нет?

Софи жалобно на него посмотрела:

– Попробовал бы ты быть единственным, кто ходит в школу в ярком полосатом джемпере и полотняных брюках вме-

сто серой юбки и синего жакета, потому что твоя мать считает, что «каждая личность имеет право на индивидуальность».

– По крайней мере, твоя мама тебя не бросила, – сухо заметил Кит.

– Нет. Хотя иногда я этого хотела.

Софи улыбнулась, и он понял, что она устала от серьезных разговоров. Солнце за окном утратило золотой блеск, окрасилось в цвет старого коньяка. Кит не был ни художником, ни фотографом, но, глядя на Софи, задумчиво подперевшую голову кулаком, пожалел об этом.

– Когда мы встретимся с Джульет? – спросила она.

Он поморщился:

– Завтра вечером. Она приглашала нас остановиться у нее, но я вежливо отказался. Я забронировал номер в отеле в Марракеше. Поедем в гости к обеду. Разговор был короткий и деловой. Надеюсь, встреча будет такой же. Дело не в ней, не в возобновлении отношений. Я хочу получить ответы на свои вопросы.

– О твоём отце?

– Да.

Кит протянул руку, чтобы взять бокал, и ощутил жгучую тяжесть в пальцах. Она очень быстро прошла, но он не сомневался, что впервые почувствовал ее, услышав, что Ральф Фицрой не был его отцом. Может быть, узнав правду, он перестанет разваливаться на части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.